

Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе

Елена Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан,

play_elenag@mail.ru

Аннотация: в условиях кризиса либерально-демократической модели, во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, которая в течении долгого времени демонстрировала успехи в процессе демократического транзита, укрепляются авторитарные тенденции. Целью статьи является анализ содержания и характера политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. На основе метода сравнительно анализа выделены общие и отличительные черты в политических режимах стран региона. Страны Центральной Азии сгруппированы по принципу повторяющихся тенденций во внутривнутриполитических процессах. В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политический режим, который более или менее пропорционального отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) – прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских и парламентских выборов в Казахстане, в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, политические режимы, авторитаризм, реформы, «цветные революции»

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):312-324. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-312-324>

Поступила 24.08.2024

Принята в печать 12.10.2024

Опубликована 30.12.2024

Features of Political Processes in Central Asian Countries: at the present Stage

Elena G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic,
play_elenag@mail.ru

Abstract: in the context of the crisis of the liberal democratic model, authoritarian tendencies strengthen in all Central Asian countries, including Kyrgyzstan. This country demonstrated success in the process of democratic transit for a long time. The purpose of the article is to analyze the content and nature of political processes in Central Asian countries at the present stage. Based on the method of comparative analysis common and distinctive features in the political regimes of the countries of the region are highlighted. The Central Asian countries are grouped according to the principle of recurring trends in domestic political processes. In Central Asian countries, Kyrgyzstan and Tajikistan are the most vulnerable to «color revolutions». The likelihood of such a scenario, fraught with political instability, encourages some political leaders of the countries of the region (Kazakhstan, Uzbekistan) to carry out reforms and design a political regime that more or less proportionally reflects economic reality and social needs, while others (Kyrgyzstan, Tajikistan) resort to methods of «tightening the screws», clearing the space from political opposition. In both cases, this leads to the strengthening of the regime of personal power of the heads of state of the Central Asian countries, and, consequently, the president will continue to remain at the top of the power hierarchy. However, the results of the recent presidential elections in Uzbekistan and the presidential and parliamentary elections in Kazakhstan show that there is a demand for a strong government capable of ensuring socio-political order and stability in these societies.

Keywords: Central Asia, political processes, political regimes, authoritarianism, reforms, «color revolutions»

For citation: Garbuzarova E.G. Features of Political Processes in Central Asian Countries: at the present Stage. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):312–324. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-312-324>

Received 24.08.2024
Revised 12.10.2024
Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

Политические процессы в странах Центральной Азии отличаются своей насыщенностью, что обусловлено как эндогенными процессами, так и экзогенными факторами. На фоне кризиса либерально-демократической модели, которую после «конца истории» страны Запада так настойчиво пытались экспортировать

в другие страны как якобы залог их устойчивого процветания, в мире укрепляются авторитарные тенденции, включая страны Центральной Азии, а также современную Киргизию, которая долгое время стояла особняком, где усматривали большие успехи в процессе переходного этапа и построении современного демократического государства¹.

Несмотря на то, что Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан географически расположены в одном регионе, они гетерогенны, развиваются на свой манер и по собственной модели [1]. Во внутривосточной жизни стран Центральной Азии можно выделить следующие отличительные черты: разнообразие авторитаризмов, широта и глубина экономических и политических реформ, степень устойчивости режимов к «цветным революциям» и т.д. При этом, стоит подчеркнуть, что во всех странах региона до сих пор не сформировались сильные и независимые политические институты, идет процесс режимной консолидации (все реальные рычаги власти находятся в руках главы государства), предпринимаются усилия по обеспечению внутренней стабильности.

РАЗНООБРАЗИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ АВТОРИТАРИЗМОВ

После распада СССР во всех республиках Центральной Азии началась социально-политическая трансформация, в основу которой был заложен принцип ухода от социалистической системы и переход на реализацию либерально-демократического

проекта. Однако полноценной демократизации стран региона препятствовала совокупность факторов, среди которых значительное влияние на транзит оказывали уже устоявшиеся советские практики управления государством и возродившиеся с новой силой родо-племенные традиции. В итоге сформировалась противоречивая тенденция демократических процессов, когда с одной стороны, все республики демонстрировали свою приверженность соответствующим практикам, включая проведение конкурентных и открытых выборов, а, с другой стороны, осуществляли постепенную консолидацию власти, скрывая под демократическим фасадом укрепление авторитарных тенденций. В итоге, в странах Центральной Азии сформировались разнообразные формы авторитаризма с различной степенью демократизации. Конечно, если не вдаваться в особенности различных подходов к характеристике политических систем стран региона, то в обобщенном виде можно всех их причислить к авторитарным, включая современную Киргизию, которую до 2020 г. можно было назвать «островком демократии» в регионе. Особенно это активно подметили на Западе. Так, в Индексе восприятия коррупции Transparency International Киргизия заняла 141 место и набрала 26 баллов, в то время как в 2022 году она занимала 140 место с 27 баллами². В отчете отмечается, что за короткие сроки Кыргызстан превратился из оплота демократии с активным гражданским обществом в консолидированный суперпрезидентский режим правления. Следствием этого, по мнению

¹ Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (дата обращения: 20.08.2024).

² Corruption Perception Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/kgz> (дата обращения: 17.08.2024).

Transparency International, стал высокий уровень коррупции в стране.

Американские и российские ученые принимали попытки концептуализации новых моделей политических систем, возникших в странах региона. В 1997 г. в журнале Foreign Affairs вышла статья известного американского политолога Ф. Закария, в которой он, рассуждая об особенностях демократического транзита в странах Восточной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки, предложил именовать формирующиеся политические системы в этих странах термином «нелиберальная демократия» [2]. Подобный подход к оценке складывающейся политической реальности в вышеупомянутых странах был обусловлен централизацией власти, ограничением полномочий парламента, пренебрежением конституцией. Американский политолог достаточно упрощенно поделит страны на демократии Запада и все остальные недемократичные государства, априори подчеркивая, что только страны Запада могут считаться истинными демократиями.

Российский политолог И. Звягельская предложила именовать политические режимы стран региона как «гибридные» [3], что по сути является синонимом формулировке «нелиберальная демократия». Однако, справедливо отмечает итальянский профессор Анжела Ди Грегорио о том, что термин «нелиберальная демократия» вызывает путаницу и затруднения в концептуализации, поскольку он применяется как к режимам, которые утратили свою демократическую сущность, опираясь лишь на свою стабильность, так и к режимам,

давно стабилизировавшимся и сочетающим в себе демократические и авторитарные элементы [4]. Следовательно, целесообразно рассуждать о разнообразии типов политических режимов, к которым эволюционировали страны региона в процессе демократического транзита.

Особый стиль правления сложился в Казахстане, где сильная президентская власть обеспечивала стране стабильность и процветание. По мнению казахстанского политолога Д. Ашимбаева политический режим первого президента Казахстана следует отнести к просвещенному авторитаризму, т.к. Н. Назарбаев обеспечивал мир, стабильность, прогресс и обладал моральным авторитетом³. Модель управления государством при Н. Назарбаеве предполагала, что приоритетом должно стать экономическое развитие. Для Н. Назарбаева сингапурский реформатор Ли Куан Ю бы примером личного вдохновения, с которым экс-президент Казахстана был во многом солидарен. Например, оба считали, что демократия и политический плюрализм лишь только отвлекали внимание тогда, когда следовало сконцентрироваться на экономическом развитии [5]. Исходя из этого, режим Н. Назарбаева можно отнести и к «мягкому авторитаризму». Этому стилю правления в настоящее время следует К.Ж. Токаев. Не случайно, в мае 2024 г., выступая с лекцией в Сингапуре нынешний президент Казахстана отметил, что программа «Справедливый Казахстан» (предвыборная программа К.Ж. Токаева) по своим целям и принципам имеет схожесть с программой «Вперед, Сингапур»⁴.

³ Ашимбаев Д, Сильная власть и развитие Казахстана. URL: <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2020/05/13/daniyar-ashimbaev-silnaya-vlast-i-razvitiye-kazahstana> (дата обращения: 21.08.2024).

⁴ Токаев выступил в Сингапуре с лекцией «Казахстан и роль средних держав: продвигая безопасность, стабильность и устойчивое развитие». URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/26/tokayev-vystupil-v-singapore-s-lektsiyey-kazahstan-i-rol-srednikh-derzhav-prodvigaya-bezopasnost-stabilnost-i-ustoychivoye-razvitiye/> (дата обращения: 20.08.2024).

В Узбекистане реализуется форма патерналистского авторитаризма, которая была характерна как для периода правления И. Каримова, так и для действующего президента Ш. Мирзиёева. Однако если И. Каримов позиционировал себя в качестве «защитника» населения от внешних угроз, считая главным приоритетом обеспечение национальной безопасности государства, то Ш. Мирзиёев придерживается нового типа патернализма, в основе которого лежит забота о будущем поколении и подготовка высококвалифицированных кадров, что особенно важно в условиях либерализации и технологизации узбекской экономики. Так, в 2023 г. в своей предвыборной программе, состоящей из пяти стратегических пунктов, Ш. Мирзиёев одним из главных направлений обозначил «создание наиболее подходящих условий для реализации каждым человеком его потенциала»⁵. Таким образом, главными драйверами экономического роста Узбекистана в соответствии с предвыборной программой Ш. Мирзиёева должны были стать образование, здравоохранение, наука и современные технологии [6].

В Киргизии, будучи парламентско-президентской, а с 2021 г. являющейся президентской формой правления, укрепляются авторитарные тенденции. В стране сложился тандем «Жапаров-Ташиев» благодаря которому удается поддерживать внутреннюю стабильность и консолидировать власть. В этом политическом дуэте главную роль

играет президент страны С. Жапаров, которого киргизские эксперты охарактеризовали как политического тяжеловеса, определяющего судьбу страны⁶. Политический порядок в Киргизии по своим признакам больше соответствует консультативному авторитаризму. В таком типе политического режима особую роль играет популистский лидер, который допускает «консультации» с народом для оценки уровня поддержки, для сбора информации и легитимации режима [7]. Так, в 2023 г. впервые в истории президент Киргизии С. Жапаров обратился к народу за советом о том, как назвать новое здание Администрации президента⁷. Кроме того, посредством внедрения новой государственной идеологии верховная власть пытается повысить свою легитимность [8]. Более жесткая оценка правлению С. Жапарова дается западными исследователями, которые отмечают, что политический стиль С. Жапарова по консолидации авторитарной власти отражает более широкие тенденции к этнонационализму, нативизму и популизму⁸.

Учитывая особую роль Э. Рахмона в политической системе Таджикистана, стиль его правления можно охарактеризовать как персоналистский авторитаризм. В результате «модернизации» в Таджикистане сформировался жесткий институциональный дизайн - иерархия политических и общественных институтов во главе которой находится харизматичный лидер [9]. В Таджикистане Э. Рахмон позиционируется как лидер

⁵ Предвыборная программа Шавката Мирзиёева состоит из 5 основных направлений. URL: <https://uznews.uz/posts/65209> (дата обращения: 18.08.2024).

⁶ Корганбаев М. «Третьим силам все неймется разрушить тандем Жапаров-Ташиев». URL: https://www.vb.kg/doc/437071_tretim_silam_vse_neymetsia_razryshit_tandem_japarov_tashiev.html (дата обращения: 22.08.2024).

⁷ Садыр Жапаров советуется с народом, как назвать новое здание Администрации президента. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/115926-sadyr-zhaporov-sovetuetsya-s-narodom-kak-nazvat-novoe-zdanie-administratsii-prezidenta.html> (дата обращения: 22.08.2024).

⁸ Zehrung H. New Wave Authoritarianism in Kyrgyzstan. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.11593b67-66c86e17-499e4198-74722d776562/https/thediplomat.com/2023/05/new-wave-authoritarianism-in-kyrgyzstan/ (дата обращения: 22.08.2024).

нации, гарант стабильности и безопасности благодаря которому в стране после гражданской войны установился мир и согласие [10]. В странах с персоналистским режимом правления любые решения принимаются исключительно лидером, а оппозиционные фигуры, которые иногда появляются в его окружении, практически не имеют возможности реализовать успешные реформы [11]. Конструктивная оппозиция в Таджикистане отсутствует, однако все же есть некоторое критики режима, представляющие для него реальную политическую угрозу. Так, в 2024 г. в Таджикистане был арестован известный таджикский оппозиционер Шокирджон Хакимов, который критиковал действующую власть⁹.

За годы фасадной модернизации или имитированного демократического транзита в более традиционном Туркменистане (по сравнению с другими странами региона) произошел переход от тоталитарного режима к авторитаризму. Туркменский авторитаризм также можно причислить к персоналистским режимам, однако в более гипертрофированном виде. При этом персоналистский режим в Туркменистане стоит на доминировании не национального, а лично-ориентированного дискурса, который формируется вокруг одной персоны, в данном случае вокруг главы государства, повышая его легитимность. Так, будучи президентом Туркменистана Г. Бердымухамедов позиционировал себя в качестве спортсмена, велосипедиста, рэпера и наездника [5]. Несмотря на смену власти в Туркменистане, которая произошла в 2022 г. и новым президентом стал Сердар Бердымухамедов, реальные рычаги власти находятся в руках председателя

Халк Маслахаты, которым является бывший президент Туркменистана, т.е. Г. Бердымухамедов.

Причисление политических режимов стран Центральной Азии к тому или иному типу авторитаризма является достаточно условным и во многом зависит от того политика, который находится у власти. На тех или иных этапах исторического развития отдельные черты и признаки вышеуказанных типов могут наблюдаться во всех странах региона. Например, на современном этапе характерные черты персоналистского режима можно наблюдать во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, в которых выстроена сильная властная вертикаль и все рычаги влияния находятся в руках главы государства.

На наш взгляд, понятие авторитарный конституционализм больше подходит к характеристике центральноазиатских политических моделей, т.к. «речь идет о промежуточных формах между авторитаризмом и демократией, в которых конституционные механизмы либерально-демократической формы правления существуют внутри контекста ослабленного плюрализма и сильного общественного контроля» [4]. Пожалуй, именно этот политический дизайн свойственен центральноазиатским системам, в которых существует плюрализм, ограниченный централизованной властью и неразвитое гражданское общество.

«РЕФОРМАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА» Ш. МИРЗИЁЕВА И К.Ж. ТОКАЕВА

На современном этапе по широте и глубине реформаторской политики в странах Центральной Азии выделяются два государства – Узбекистан и Казахстан. Одним из главных императивов для проведения

⁹ В Душанбе задержан зампред СДПТ Шокирджон Хакимов. URL: <https://rus.ozodi.org/a/v-dushanbe-zaderzhan-zampred-sdpt-shokirdzhon-hakimov/33041424.html> (дата обращения: 20.08.2024).

реформ стало стремление обоих лидеров сохранить стабильность и не допустить внутреннего хаоса. Так, Ш. Мирзиёев пришел к власти после неожиданной смерти И. Каримова. Отсутствие в стране опыта транзита власти могло ввергнуть Узбекистан в серьезный внутривластный кризис. Однако Ш. Мирзиёев не только смог найти общий язык с политической элитой, но и разработал стратегию полного реформирования страны [12]. События января 2022 г., когда Казахстан впервые в своей независимой истории столкнулся с масштабным политическим кризисом, побудили К.Ж. Токаева переосмыслить произошедшие события и взять курс на либерализацию экономики и политической жизни страны.

Начиная с 2016 г. Узбекистан встал на путь кардинальных внутривластных и внешнеполитических преобразований, сопровождающиеся укреплением международного положения страны и привлечением инвесторов. Благодаря либерализации, начатой президентом страны Ш. Мирзиёевым, Узбекистан вышел на траекторию устойчивого экономического роста. В соответствии с докладом Международного валютного фонда¹⁰, по темпам экономического роста Узбекистан опережает Казахстан (4,6%), Кыргызстан (3,4%) и Туркменистан (2,5%), но пока отстаёт от Таджикистана (6,5%). Интересно, что Таджикистан, являясь самой бедной страной в регионе, имеет самые высокие темпы экономического роста, что обусловлено проводимой в стране экономической модернизацией, направленной

на улучшение делового и инвестиционного климата, усовершенствованием энергетического сектора¹¹.

Реформы затронули все сферы жизнедеятельности общества, при этом ключевую роль по-прежнему продолжала играть исполнительная власть. Например, еще в 2021 г. парламент Узбекистана был обновлен только на 4/5 части, однако в органах исполнительной власти увеличилась представленность женщин с 3,4 % до 16 %¹². Между тем, в соответствии с новыми поправками в Конституцию, принятыми в 2023 г. на всенародном референдуме, изменились сроки пребывания на посту президента Узбекистана. Во-первых, этот срок увеличился с 5 до 7 лет, а, во-вторых, занимать президентский пост разрешено не более двух сроков подряд. Сроки, победившего в том же году на выборах президента, Ш. Мирзиёева, который набрал 87,05% голосов, в соответствии с новыми конституционными поправками обнулились. Это означает, что Ш. Мирзиёев будет находиться у власти до 2030 г. и затем сможет еще раз переизбраться на второй срок. Как известно, такая практика обнуления сроков характерна для большинства политических режимов на пространстве СНГ. Во всех странах Центральной Азии такая тенденция сохранится, когда властвующая элита «будет стремиться сохранить свою власть либо через продление своего срока пребывания, либо через конституционные механизмы» [13].

В соответствии с обновленным вариантом Конституции Узбекистана от 2023 г.

¹⁰ World Economic outlook 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения: 20.08.2024).

¹¹ Табах А., Прокудин А., Подругина А. Макроэкономическая ситуация в странах Центральной Азии: как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан переживают последствия пандемии COVID-19. URL: https://raexpert.ru/researches/int_fin/central_asia_2021/ (дата обращения: 18.08.2024).

¹² Рахимова Д. Эволюция государственного управления в Узбекистане. URL: <https://review.uz/post/evolyuciya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 17.08.2024).

предусмотрено расширение полномочий парламента, однако незначительно, и президента. Новые полномочия парламента включают заслушивание ежегодного национального доклада о борьбе с коррупцией, определение максимальной суммы государственного долга, проведение парламентского расследования. Кроме того, предполагается изменить принцип формирования Сената: теперь от каждого региона страны, столицы и Каракалпакстана будут выдвигаться не по 6, а по 4 депутата, а глава государства имеет право назначать не 16 сенаторов, а только 9¹³. Что касается полномочий президента, то по новой Конституции он будет вправе назначать досрочные выборы главы государства Узбекистана. Однако кандидатура премьер-министра страны будет предлагаться президентом после проведения консультаций со всеми фракциями политических партий, а не только с партией, которая набрала наибольшее количество депутатских мест на парламентских выборах.

Январский кризис в Казахстане подтолкнул К.Ж. Токаева к проведению масштабных экономических и политических реформ, направленных на укрепление собственной власти в контексте поддержания стабильности в стране. Кризис ознаменовал конец «двоевластия» и начало отстранения от власти родственников и сторонников Н. Назарбаева. Этот процесс получил название «деназарбаевизация»¹⁴. Для К.Ж. Токаева первостепенное значение

имело избавление от нелояльных кадров и формирование вокруг себя новой преданной политической команды.

После январских трагических событий 16 марта 2022 г. К.Ж. Токаев выступил с Посланием к народу Казахстана, в котором были отмечены основные направления трансформации политической модели развития страны¹⁵. Предполагалось, положить конец традиции монополизации верховной власти, укрепить представительную демократию, модернизировать избирательную систему и электоральный процесс, активизировать «конструктивное партнерство между государством и обществом»¹⁶.

С целью заручиться поддержкой своего курса со стороны народа в июне 2022 г. в Казахстане был проведен референдум о поправках в Конституцию. За поправки в Основной закон страны проголосовало 77,18 % населения при явке 68,05%. Поддержка большинства населения на референдуме придала уверенности К.Ж. Токаеву и сориентировала его на дальнейшие действия по усилению своих позиций в стране. В 2022 г. на досрочных выборах президента К.Ж. Токаев победил, набрав 81,31 % голосов. По мнению политолога Д. Ашимбаева, такая поддержка была продиктована тем, что народ увидел в К.Ж. Токаеве сильного и жесткого национального лидера¹⁷.

В 2023 г. в Казахстане прошли выборы в парламент по смешанной системе в соответствии с новым законодательством.

¹³ Данзанов Б. Реформы в Узбекистане: новый этап политического развития республики. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/06/29/reformy-v-uzbekistane-novyi-etap-politicheskogo-razvitiya-respubliki/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Петров И. В Казахстане началась масштабная «деназарбаевизация». URL: <https://www.osnmedia.ru/world/v-kazahstane-nachalas-masshtabnaya-denazarbaevizatsiya/> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁵ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эксперт объяснил, что повысило поддержку Токаева. URL: <https://ria.ru/20221121/tokaev-1833005843.html?in=t> (дата обращения: 22.08.2024).

По мнению экспертов, для Казахстана эти выборы стали большим шагом вперед в процессе трансформации политической системы и создание условий для плюрализма и конкуренции¹⁸. По результатам выборов в парламент Казахстана прошло шесть партий, среди которых лидирующие позиции заняла партия «Аманат», набравшая 53,9% голосов¹⁹. При этом еще в 2022 г. К.Ж. Токаев объявил о своем уходе с поста председателя данной партии в соответствии с новой Конституцией страны.

Одной из причин январского кризиса в Казахстане стал высокий уровень недовольства среди населения действующей властью, о чем свидетельствовали выдвигаемые с их стороны требования о снижении цен на продукты, искоренение безработицы, отставка правительства и парламента²⁰. Снизить уровень социального недовольства предполагалось посредством не только демократизации политической системы, но и либерализации экономики. К.Ж. Токаевым был объявлен переход на новую парадигму экономического развития, подразумевающую снижение роли государства в экономике страны. В этой связи резко возрастает риск атомизации общества и обострение социального неравенства. Справедливо отмечают исследователи, что ключевым является вопрос, подходит ли Казахстану либеральная модель экономической политики или следует перейти к более патерналистской модели с широким набором институциональных регуляторов, необходимых для снижения

социального напряжения [14]. На наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом мог бы стать поиск баланса между патерналистской и либеральной моделью развития.

Несмотря на всю разницу в реформаторской политике президентов Узбекистана и Казахстана, оба заинтересованы в укреплении личной власти и создании условий для стабильного развития своих национальных государств. Однако глобальная турбулентность бросает вызов политическим лидерам стран Центральной Азии и создает серьезные риски, которые могут зажать в тиски авторитарные политические системы стран региона.

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

В условиях жёсткой глобальной геополитической конфронтации резко возросла вероятность осуществления «цветных революций» в странах Центральной Азии, геостратегическое значение которых делает их объектом пристального внимания со стороны ведущих центров силы мировой политики. Например, справедливо отметил эксперт из Киргизии по вопросам национальной безопасности Т. Джумадылов, что «коллективному Западу во главе с США на фоне бесперспективности победы над Россией на Украине выгодно «поджигать» государства бывшего СССР»²¹.

В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Так, с момента прихода к власти

¹⁸ «Шанс попасть в парламент был у любого кандидата, и это отличие Нового Казахстана» – эксперт. URL: <https://newtimes.kz/vybory-2023/166252-shans-popast-v-parlament-byl-u-lyubogo-kandidata-i-eto-otlichie-novogo-kazahstana-eksperty> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁹ ЦИК Казахстана опубликовал итоги выборов в парламент. URL: <https://ria.ru/20230327/kazakhstan-1860829529.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁰ Протесты захлестнули весь Казахстан: люди требуют отставки правительства. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/01/04/14385895.shtml?updated> (дата обращения: 20.08.2024).

²¹ Западу позарез нужен второй фронт — эксперты о подготовке к захвату власти в КР. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240711/front-mneniya-eksperty-popytka-zahvat-vlast-kyrgyzstan-1086927754.html> (дата обращения: 20.08.2024).

С. Жапарова на волне третьей революции, произошедшей в Киргизии в 2020 г., власти сообщали уже три раза о попытках государственного переворота в стране. Первый раз об этом было объявлено в ноябре 2021 г. накануне выборов в киргизский парламент (Жогорку Кенеш). По данным спецслужб захват власти планировала осуществить группа молодых людей, недовольных существующим политическим режимом в Киргизии²². Об очередном готовившемся захвате власти было объявлено в начале лета 2023 г. Тогда пресс-центр ГКНБ распространил информацию, что в Кыргызстане предотвратили «массовые беспорядки и акции неповиновения в целях последующего насильственного захвата власти»²³. В ходе задержания было арестовано более 30 человек, среди которых представители гражданского общества, ранее критиковавшие власть²⁴. Курс на дезактивацию оппонентов продолжился. 2 сентября 2023 г. в Киргизии был арестован оппозиционный политик, лидер партии «Бутун Кыргызстан» Адахан Мадумаров, которого объявили в государственной измене²⁵.

В июле 2024 г. в третий раз киргизские спецслужбы заявили о том, что в Киргизии был предотвращен государственный переворот. В отличие от первых двух, этот захват власти готовился основательно, т.к. у задержанных нашли внушительный

арсенал оружия²⁶. Возможно, организаторами готовившегося переворота могли быть боевики, вернувшиеся в Киргизию из Сирии. В целом, в трех попытках свержения действующей власти в Киргизии можно заметить применение технологий «цветных революций». Во-первых, основными участниками, как заявлено спецслужбами, являются представители либо молодежи, либо оппозиции. Во-вторых, организаторами могли выступить экстремистские и террористические группировки, которые планировали разжечь огонь протеста в стране. В-третьих, несмотря на то, что в Киргизии в 2024 г. был принят закон об НПО, который, однако, нацелен на то, чтобы не свернуть деятельность этих структур, а сделать ее максимально прозрачной²⁷, возможными организаторами могли стать западные НПО, действующие в Киргизии (по словам аналитиков, в стране их зарегистрировано около 22 тыс.).

Летом 2024 г. в Таджикистане, где готовится транзит власти по «семейной» модели, был предотвращен государственный переворот. По официальной версии, организатором был объявлен депутат нижней палаты и экс-глава Демократической партии Саиджафар Усмонзода. Это событие положило начало арестов других высокопоставленных фигур, таких как бывший глава МИД Хамрохон Зарифи,

²² В Кыргызстане готовили госпереворот: кто хотел свергнуть Жапарова. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211126/kyrgyzstan-gosperevorot-predotsrashchenie-1043776585.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²³ В Бишкеке предотвратили «массовые беспорядки и захват власти». URL: <https://www.mk.kg/incident/2023/06/06/v-bishkeke-predotvratili-massovye-besporядki-i-zakhvat-vlasti.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁴ В Кыргызстане по делу о подготовке переворота арестована глава партии. URL: <https://www.svoboda.org/a/v-kyrgyzstane-po-delu-o-podgotovke-perevorota-arestovana-glava-partii/32448814.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁵ Короткова Е. В Кыргызстане по обвинению в госизмене задержан оппозиционный депутат и партийный лидер Адахан Мадумаров. URL: <https://www.kp.kg/daily/27550.5/4817871/> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁶ Много оружия и военный билет депутата ЖК — что еще нашли у готовивших переворот. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240706/voenniy-bilet-deputat-gosperevorot-oruzhiye-gknb-video-1086768729.html> (дата обращения: 21.08.2024).

²⁷ Жогорку Кенеш принял законопроект об НКО/НПО во втором чтении. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240222/kyrgyzstan-npo-zakonoproekt-vtoroe-chtenie-1082889732.html> (дата обращения: 23.08.2024).

бывший председатель Верховного совета Акбаршо Искандаров, заместитель председателя Социал-Демократической партии Таджикистана (СДПТ) Шокирджон Хакимов, зампред Демократической партии (ДПТ) Ахмадшох Комилзода. Сложно сказать была ли это действительно попытка государственного переворота или же президент Таджикистана продолжает укреплять властную вертикаль, и создает мирные условия для передачи власти своему сыну Рустаму Эмомали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дизайн стран Центральной Азии характеризуется авторитарными чертами, однако в каждой стране можно наблюдать свой тип политического режима: в Казахстане – «мягкий авторитаризм», в Узбекистане – патерналистский авторитаризм, в Киргизии – консультативный авторитаризм, в Таджикистане – персоналистский авторитаризм с национальным дискурсом, в Туркменистане – персоналистский авторитаризм с личностно-ориентированным дискурсом. Складывается парадоксальная ситуация, когда страны региона вроде бы и разные по типу политических систем и по уровню экономического развития, но в то же время их объединяет много общего: под фасадом демократического транзита идет процесс укрепления авторитарных тенденций. Это позволяет охарактеризовать их политические режимы как авторитарный конституционализм.

В ряде стран Центральной Азии, Узбекистане и Казахстане, политический процесс развивается динамично, что доказывает переход этих стран на новую стадию развития политических систем. В этих государствах предприняты глубокие экономические и политические реформы. Благодаря экономической либерализации

политическое руководство двух стран создало благоприятные условия для инвесторов и укрепило национальную конкурентоспособность. Однако даже несмотря на эти глубокие изменения, в политической жизни этих стран особую роль продолжит играть глава государства, концентрируя в своих руках всю полноту власти. При этом Казахстан взял курс на серьезную политическую трансформацию, направленную на укрепление роли парламента в системе власти и достижения равновесия властей. Насколько решительно Казахстан готов двигаться по данной траектории, выстраивая представительную демократию, покажет время.

На фоне глобальной геополитической турбулентности резко возросла вероятность расшатывания внутривнутриполитической обстановки в странах Центральной Азии, которые сталкиваются с системными экономическими и социальными проблемами как коррупция, безработица, низкий уровень жизни населения. Эти проблемы могут стать детонатором общественных протестных движений – пикетов, митингов, демонстраций, которыми могут воспользоваться внешние силы. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политический режим, который более или менее пропорционального отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) – прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной

иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских и парламентских выборов в Казахстане,

в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лаумулин М. С. К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии. *Контуры глобальных трансформаций*. 2016;9(5): 95-113.
2. Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий. *Логос*. 2004;2(42):55-70.
3. Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2018. 224 с.
4. Ди Грегорио А. Кризис современной демократии и появление новых промежуточных категорий между демократией и авторитаризмом. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2020;3:26-33. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.017>
5. David G. Lewis. *Varieties of Authoritarianism in Central Asia*. Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. Routledge; 2021. P. 478.
6. Ионова Е. Итоги президентских выборов в Узбекистане: экономический и политический курс Ш. Мирзиёева. *Россия и новые государства Евразии*. 2021;4:97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
7. Харитонов О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны. *Политическая наука*. 2022;1:224-244. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>
8. Жапаров С. Жаңы Кыргызстанды куруунун багыты (идеологиясы). Бишкек: «Принт-Экспресс»; 2023. 136 с.
9. Хадыров Р.Ю. Институциональная модель политической системы Таджикистана: иерархия и специфика институтов. *Международные отношения*. 2023;1:12-19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684>
10. Шарифзода А., Шарифзода М.Т. Роль лидера нации в развитии экономики Таджикистана. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2018;4(77):5-15.
11. Харитонов О.Г. Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017;19(4):379-391. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391>
12. Пахрутдинов Ш.И. Узбекистан: ответственность за устойчивое развитие и интенсивность ускоренных изменений. Трактории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6-7 декабря 2019 г. Москва: МПГУ; 2019. 472 с.
13. Жильцов С.С. Центральная Азия: особенности политического развития. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020;1(23):143-160.
14. Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В., Рахимжанова Д.А. Политический кризис в Казахстане: истоки, текущее состояние, перспективы развития и урегулирования. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023;71:225-236. <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21>

REFERENCES:

1. Laumulin M. S. On the question of the formation of post-Soviet statehood in Central Asia. *Contours of global transformations*, 2016;9(5):95-113. (In Russ.)
2. Zakaria F. The emergence of illiberal democracies. *Logos*. 2004;2(42):55-70. (In Russ.)
3. Zvyagelskaya I. D. The Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution. Moscow: Aspect Press; 2018. 224 p. (In Russ.)
4. Di Gregorio, A. The crisis of modern democracy and the emergence of new intermediate categories between democracy and authoritarianism. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2020;3:26-33. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.017>
5. David G. Lewis. Varieties of Authoritarianism in Central Asia. Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. Routledge; 2021. P. 478. (In Russ.)
6. Ionova E. The results of the presidential elections in Uzbekistan: the economic and political course of Sh. Mirziyoyev. *Russia and the new states of Eurasia*. 2021;4:97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114> (In Russ.)
7. Kharitonova O.G., Kudryashova I.V. Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political Science*. 2022;1:224-244. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10> (In Russ.)
8. Zhaparov S. Zhanу Kyrgyzstand kuru-unun bagyty (ideologiyasy). Bishkek: Print-Express; 2023. 136 p. (In Russ.)
9. Khadyrov R.Y. The institutional model of the political system of Tajikistan: hierarchy and specificity of institutions. *International Relations*. 2023;1:12-19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684> (In Russ.)
10. Sharifzoda A., Sharifzoda M.T. The role of the leader of the nation in the development of the economy of Tajikistan. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. The Humanities series*. 2018;4(77): 5-15. (In Russ.)
11. Kharitonova O.G. Political regimes and regime changes in the mirror of scientific discourse. *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*. 2017;19(4):379-391. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391> (In Russ.)
12. Pakhrutdinov S.I. Uzbekistan: responsibility for sustainable development and the intensity of accelerated changes. Trajectories of Russia's political development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific conference RAPN. Moscow: MPSU; 2019. 472 p. (In Russ.)
13. Zhiltsov S.S. Central Asia: features of political development. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2020;1(23):143-160. (In Russ.)
14. Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreiev A.V., Rakhimzhanova D.A. The political crisis in Kazakhstan: origins, current state, prospects for development and settlement. *Bulletin of Tomsk State University, Philosophy, Sociology, Political science*. 2023;71:225-236. <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Г. Гарбузарова

Доктор политических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан; 720065, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova

Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaj Str., Bishkek, 720065, the Kyrgyz Republic;
play_elenag@mail.ru